Больше всех в 6 "А" повезло Генке Сребницкому. У них на квартире остановился приехавший с цирком укротитель тигров и медведей.

На второй день, когда дядя Гриша — так звали укротителя — собирался в цирк, Генка подошел к нему и несмело попросил: "Возьмите и меня...". Дядя Гриша, невысокий, худощавый, с седыми висками, стоял у зеркала, старательно завязывал синий в белый горошек галстук и ничего не отвечал. Мальчик терпеливо ожидал, не двигаясь с места.

— А как же уроки? — вдруг спросил дядя Гриша.

Генка с достоинством ответил:

— Уроки я делаю всегда.

— Однако давай договоримся, чтобы потом не было недоразумений: сначала — уроки, а потом, если тебе разрешат, — пожалуйста.

Мама, конечно, не хотела отпускать Генку. Она так и сказала: "Ни за что". Но Генка дал ей честное пионерское, что к клеткам не подойдет и будет смотреть на зверей только издали. Одним словом, мама разрешила Генке пойти в цирк.

И вот он в цирке... Дядя Гриша, взяв с собой пружинистый хлыст, открыл высокую, составленную из железных прутьев, дверь в огромную клетку. Один знак рукой — и через несколько мгновений три тигра один за другим откуда-то из глубины цирка вбежали в клетку. Генка никогда не видел живых тигров и, холодея от ужаса, закрыл глаза рукой.

— Мальчик, ты что здесь делаешь?..

Обернувшись, Генка увидел странного человека — приземистого, толстого, почти одинакового в ширину и высоту. Круглое лицо его выражало любопытство. В руках он держал увесистую суковатую палку. Генка невольно попятился.

— Я не один пришел… Я с дядей Гришей.

— С Григорием Захаровичем?! Тогда будем знакомы. Николай Ананьевич Крысюков. Запомнил? А ты кто?

— Я? Геннадий Сребницкий. Гена. — И, подумав, что сказанного для первого знакомства недостаточно, добавил: — Ученик 6 "А", из двенадцатой школы.

— Понятно. Ну, как, нравится у нас? — Крысюков дружелюбно похлопал мальчика по плечу.

— Да, очень!

Генка удивленно посмотрел в невыразительные с красными жилками на желтоватых белках глаза Крысюкова. Но Крысюков больше ничего не сказал и, словно бочонок, покатился на своих коротких ногах в другой конец арены. Генка тут же забыл о Крысюкове. С жадным любопытством он разглядывал тигров. Под светом юпитеров шкура их блестела темной медью. Один тигр делал стойку. Другие два лежали в стороне, выгнув могучие спины. Укротитель поднял руку с хлыстом и не громко, но настойчиво сказал "ап". Тигр вскочил на тяжелую круглую тумбу. Вытянув лапы, он положил на них большую, почти квадратную голову, широко раскрыл пасть, в которой легко поместился бы целый арбуз. Глаза его отливали холодным зеленым светом.

Тигр не хотел делать стойки и угрожающе рычал. Тогда дядя Гриша подошел ближе и коснулся своим хлыстом широкой сильной спины зверя. Тигр вскочил, хищно оскалил большие желтые зубы. Но стойки не

сделал. Укротитель не отошел от него, снова провел хлыстом по блестящей спине зверя. Так повторялось несколько раз, пока тигр не встал на задние лапы.

Генка удивлялся силе и выдержке укротителя. Мальчик невольно позавидовал ему и вспомнил, как не раз и отец и мать говорили: "Без терпения узелка не завяжешь".

Вокруг клеток ходили какие-то люди, внимательно следили за происходящим на манеже. Генка заметил среди них и Крысюкова. Его, одного из всех, казалось, ничто не интересовало, он стоял вполуоборот к клетке и жевал что-то с безразличным видом.

Генка боялся за дядю Гришу: уж очень страшными были тигры. Но вот, наконец, дядя Гриша что-то сказал, и звери стремительно один за другим умчались с манежа по зарешеченному ходу.

Минуту спустя появились бурые медведи. Один из них тяжело и неуклюже кувыркался, другой, запрокинув голову, пытался выпить молоко из бутылки. Это ему никак не удавалось, он сердился, белые струйки стекали по бурой клочковатой шубе, пока, наконец, с помощью укротителя он не опрокинул бутылку к себе в пасть.

Дрессировка закончилась. Люди, стоявшие вокруг манежа, начали разбирать клетку. Дядя Гриша, вынув платок, старательно вытер лицо, ставшее влажным…

— Пойдем со мной — сказал он Генке.

За манежем слышались тяжелая возня и приглушенный рев. И здесь в одной из клеток Генка увидел медвежонка.

— Миша! — позвал укротитель.

Медвежонок поднялся на задние лапы и подошел ближе. Дядя Гриша почесал у него за ухом.

— Гостинца? Ну, бери.

В раскрытую пасть полетели один за другим два пряника. Зверь замотал головой.

— Хватит. Уже нет.

— У меня есть, — шепнул Генка.

— Дай… только осторожно.

Мальчик достал конфеты и дрожащей рукой положил их в протянутую лапу. Миша принял подарок и трижды наклонил голову.

— Благодарит, — объяснил укротитель.

Разумеется, Генке больше всего понравился медвежонок.

На следующий день Сребницкий рассказал в классе обо всем, что видел. Многие откровенно завидовали ему и просили, если можно, взять и их в цирк.

— Что вы! — удивился Генка. — Нельзя всем. Вот когда открытие будет — пожалуйста.

— Мы тогда и без тебя пойдем, — сказал Генкин друг Коля Щеголь…

Почти каждый день Генка бывал в цирке. Проходил он прямо к медвежонку. Миша сразу же узнавал его, подбегал к краю клетки и, высунув морду, тянулся к нему.

— Миша! Стойку! — кричал Генка и делал несколько шагов вдоль клетки. Переваливаясь с ноги на ногу, медвежонок шел за ним, поворачивая чуть-чуть набок голову, и глаза его, маленькие, хитрые, светились, как два уголька. Генка радостно смеялся и угощал "артиста" конфетами и пряниками…

Мальчик заметил: как только появлялся Крысюков, Миша забивался в дальний угол клетки и не выходил оттуда, пока "бочонок", — так Генка назвал Крысюкова, — не уходил. Однажды медвежонок не отошел, и "бочонок" ударил его палкой по лапе. Генка искал в это время конфеты в сумке и видел только мелькнувшую палку и слышал жалобный рев зверя. В первое мгновение мальчик не понял, что произошло, но когда палка поднялась еще раз, он схватил Крысюкова за руку.

— Не надо! — вскричал Генка и встретился со взглядом Крысюкова, полным холодного любопытства.

— Почему? Тебе жалко?

— Не надо! — упрямо повторил Генка и с такой силой потянул к себе палку, что Крысюков выпустил ее.

— Да ты сильный… ну, ладно, отдай.

Крысюков не уходил. Несколько смущенный, он хотел, видимо, объяснить свой поступок.

— Ты еще мал, товарищ Геннадий из 6 "А". Вырастешь, тогда узнаешь — зверя палкой учат… Если бы не я, они бы уже давно твоего дядю Гришу разнесли…

Сказав это, Крысюков спохватился: зачем открывать душу перед каким-то мальчишкой? Он ведь не поймет, а услышанное переврет…

Разве кто-нибудь сумеет оценить старания Крысюкова? Никто. А ведь он мечтал стать таким же, как Григорий Захарович Зубов. Но не хватало терпения, не нашлось смелости. Да, именно, смелости. При одном виде страшной раскрытой пасти, зеленых глаз тигра Крысюкова вгоняло в холодный пот. Он остался только надсмотрщиком, даже не помощником укротителя…

— Понял меня, мальчик?

— Н-нет, — неуверенно ответил Генка. Задумчиво смотрел он на Крысюкова, плотно сомкнув пухлые кубы.

— И нечего понимать. — Крысюков, махнув рукой, ушел.

По дороге домой Генка рассказал обо всем этом дяде Грише.

— Ерунда… — ответил дядя Гриша. И помолчав, почти весело добавил: — В жизни еще встречаются такие, да что нам? Тигров укрощаем, а Крысюкова не сумеем?.. Справимся… Как ты думаешь?

Мальчик кивнул в знак согласия. Он всё время забегал вперед, чтобы лучше слышать дядю Гришу.

2

Генка так увлекся цирком, что несколько раз подряд не подготовил уроков. Один раз его не спросили, второй раз он с трудом ответил физику на тройку, а сегодня учитель географии Петр Никодимович поставил ему двойку.

— Что ж, цирк — дело занятное, — едко сказал Петр Никодимович. — Только и географию знать не мешает, иначе, брат, далеко не уедешь…

Генка виновато опустил голову. В дневнике впервые в учебном году появилась двойка и — что обиднее всего — за месяц до окончания года…

Домой он решил прийти попозже, смутно надеясь, что мать уйдет куда-нибудь по делам и всё как-нибудь обойдется. Но вышло так, что и мать и отец были дома. Отец уже переоделся в чистую рубаху, как обычно после работы, и теперь сидел у стола, застланного поверх клеенки белой скатертью. Мать была на кухне.

Вскоре пришел и дядя Гриша.

Генка вышел на крыльцо. Может быть, о нем забудут, пообедают без него, он поест позже. Но, как нарочно, дядя Гриша начал рассказывать о генкиных успехах в цирке, и мальчику через раскрытое окно всё было слышно.

— Терпение у него завидное, — слышалось в столовой. — В его годы — это удивительно. Вы знаете, медведь по его приказанию делает стойки… Удивительно!

— Он и в школе не последний. Видели его дневник? Генка, — позвал отец, — иди-ка сюда, сынок. Где ты там?

— Здесь я…

И вот Генка у стола. Лицо у него — смуглое, загорелое, как у отца-литейщика. Глаза опущены. Мелкие росинки пота блестят на подбородке. Отец, невольно любуясь сыном, попросил показать ему табель. Генка не двинулся с места.

— Ну, что ж ты?

— У меня двойка сегодня. — Генка залился краской; покраснели не только пухловатые щеки, но и подбородок, шея, чуть оттопыренные уши. Особенно стыдно перед дядей Гришей, которому он дал слово учить уроки и, выходит, не выдержал.

— По какому предмету двойка? — спросила мать, появляясь в комнате. Рукава у нее подвернуты по локти, белые полные руки — крепкие, от них не увернешься.

— По географии… И сам не знаю, как случилось.

— Известное дело! Учитель виноват; знал, что ты не готов, а спросил. Правда?

Генка молчал. Отвечать было нечего.

— По географии? — отец переглянулся с дядей Гришей. Тот катал по столу хлебный шарик и в разговор не вмешивался.

— Ты, вроде, цирком интересуешься? — это снова отец.

— Да, папа, — простодушно ответил Генка, не подозревая подвоха.

— Понятно!.. А знаешь ты, к примеру, где водятся тигры?

— Тигры? — Мальчик озадаченно посмотрел на дядю Гришу, но тот словно не слыхал, о чем говорят. — Я думаю — в лесах.

— Ну, да, конечно, — весело рассмеялся отец. Григорий Захарович еле заметно улыбнулся. А мать, махнув рукой, — дескать, разбирайтесь пока сами, мне некогда — ушла на кухню.

— Это что, в географии написано?

— Кажется, — неуверенно ответил Генка. Он не мог вспомнить, где водятся тигры, львы и другие звери, откуда их привозят.

— Я, папа, буду лучше учить географию, — запинаясь, сказал Генка.

Хотя дядя Гриша ни в чем не упрекал Генку, но мальчик и так понимал, что он думает: "Генке верить нельзя". Сознавать это было очень тяжело. Но Генка взял себя в руки, сел и сразу принялся готовить уроки.

На следующий день Генка не просил дядю Гришу взять его в цирк.

3

В цирке шло первое представление.

Люда Гуськова, самая большая трусиха в б "А", и Коля Щеголь сидели рядом с Генкой. Люда надоела своими расспросами о медвежонке, и Генка жалел, что сел рядом с ней, но свободных мест уже нигде не было и пришлось терпеть.

Первая часть программы кончилась. Уже побывали на манеже воздушные гимнасты, после них вышли велофигуристы, весь цирк оглушительно хохотал над остротами комика. Наконец, после перерыва конферансье объявил:

— На манеже Григорий Зубов со своими дрессированными тиграми и медведями...

— Вот сейчас увидите! — взволнованно шепнул Генка. Ему хотелось, чтобы дядя Гриша понравился Люде и Коле Щеголю.

Холодок пробежал по рядам зрителей, когда появились тигры. Они бежали по зарешеченному ходу к невысокому седоватому человеку, а он стоял, не шевелясь, с одним хлыстом в руках.

Сначала все шло хорошо. Тигры послушно прыгали с тумбы на тумбу, через кольцо, делали пирамиды. Укротитель поднимал свой хлыст — и они становились на задние лапы и стояли столько, сколько было нужно. Рыча, показывали большие желтые зубы.

Потом внезапно по цирку прошел шум. Сначала легкий, как бывает на реке перед бурей. Донеслись приглушенные крики: "Держи", "Выскочил". Зрители насторожились, притихли, среди внезапно наступившей тишины раздался оглушительный крик:

— Медведь!

Многие зрители вскочили, собираясь бежать. Но бежать было некуда: медведь стоял в проходе между манежем и скамейками.

Какая-то женщина в большой широкополой шляпе вскрикнула: "Спасите!" и упала на руки рядом сидящего незнакомого ей человека. Мужчина натягивал на голову полы длинного пиджака.

Генка сразу узнал медвежонка.

Зверь встал на задние лапы и закивал головой. Может быть, все окончилось бы хорошо, но Генка вдруг увидел бегущего к медвежонку Крысюкова.

Мальчик в один миг очутился внизу. Он не слышал, как дядя Гриша что-то говорил, приказывал, никого не видел: перед глазами был медвежонок и занесенная над ним трость. Крикнув: "Не надо", Генка повис на руке Крысюкова.

Медвежонок, услышав знакомый голос, проворно повернулся, подбежал и ткнулся мордой в плечо мальчика. Крысюков не мог поверить своим глазам: мальчик спокойно стоял рядом с медвежонком.

— Уберите зверя! — крикнул кто-то.

— Не бойтесь, он смирный. — Генка, положив руку на шею медвежонка, повел его к выбежавшему навстречу дяде Грише.

Весь цирк гремел аплодисментами. Аплодировали Генке Сребницкому.

Когда Генка поднимался по ступенькам в свой ряд, он слышал, как Люда говорила какой-то незнакомой женщине: "Это Генка из нашего класса... Он страсть какой смелый и отличник..."

Люда, с нетерпением ожидавшая Генку, участливо спросила:

— Не поцарапал?

— Ну, что ты!.. Он не кошка.

— А почему он выскочил? — спросил Коля Щеголь.

— Клетку забыли закрыть...